

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 821.161.1-1(Феофан Прокопович). DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-3-96-104.
ББК Ш33(2Рос=Рус)4-8,445.
ГРНТИ 17.07.51. Код ВАК 5.9.3

КВАНТИТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА)

Патроева Н. В.

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>

SPIN-код: 5886-7841

А н н о т а ц и я . Исследование направлено на выяснение некоторых количественных параметров языка и слога стихотворных произведений Феофана Прокоповича. Квантитативный фактор является одной из составляющих стилометрии. Длина предложения и слова как основных единиц текста разнятся в тех или иных жанрах художественной речи, литературных методах, в процессе эволюции национального языка и формирования норм, как общелитературных, так и поэтических.

Целью данного исследования стало определение количественных параметров индивидуально-авторского слога Феофана Прокоповича, одного из реформаторов русского языка эпохи Петровских преобразований и раннего послепетровского периода, ведущего автора силлабической российской поэзии, оставившего в своих трактатах по искусству красноречия и поэтики немало собственных рекомендаций относительно типов и размеров периода, а также правил стихосложения, опирающегося на количество и качество слогов. Материалом анализа стали стихотворные произведения Феофана, в сопоставительном плане – «Слово похвальное о преславной над войсками шведскими победе».

Главным методом стал количественный анализ абсолютной и средней длины слов и предложений, коэффициента синтаксического разнообразия в поэтическом творчестве Феофана Прокоповича (с элементами статистического метода).

Согласно проведенным наблюдениям, средняя длина предложения в поэзии Феофана составляет 15 слов, что соответствует аналогичным показателям в поэзии В. К. Тредиаковского и Н. М. Карамзина – писателей, стремившихся к демократизации книжно-литературного синтаксиса, отходу от тяжеловесных латино-немецких образцов. Таким образом, искания Феофана соответствуют будущей магистральной тенденции развития поэтической и общелитературной русской грамматики, предвосхищая на практике достижения поэтов последующих поколений. Абсолютная и средняя длина предложения обусловлена жанровыми канонами, композиционным членением текста и протяженностью силлабической строки.

Вирши Феофана предпочитают короткосложные слова (от 1 до 3 слогов). Наибольшей активностью отличаются двусложные словоформы, что позволяет проследить формирование будущей ведущей роли двусложных силлабо-тонических размеров российской лирики внутри силлабической поэзии.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русская поэзия; поэты; поэтическое творчество; поэтические жанры; стихотворения; поэтические тексты; квантитативная лингвистика; длина предложения; слоговой объем слова; стиль русского барокко; силлабическая поэзия

Б л а г о д а р н о с т и : исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696>.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Патроева, Н. В. Квантитативный анализ поэтического текста (на материале стихотворений Феофана Прокоповича) / Н. В. Патроева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 96–104. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-3-96-104.

QUANTITATIVE ANALYSIS OF A POETIC TEXT (BASED ON THE POEMS BY FEOFAN PROKOPOVICH)

Natalia V. Patroeva

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>

Abstract. The study is aimed at identifying some quantitative parameters of the language and style of the poetic works of Feofan Prokopovich. The quantitative factor is one of the components of stylometrics. The length of a sentence and a word as the main units of text vary in certain genres of artistic speech, literary methods, in the process of evolution of the national language and the formation of norms, both general literary and poetic.

The purpose of this study is to determine the quantitative parameters of the individual author's style of Feofan Prokopovich, one of the reformers of the Russian language during the era of Peter the Great's reforms and the early post-Petrine period, the leading author of syllabic Russian poetry, who left many of his own recommendations in his treatises on the art of eloquence and poetics regarding the types and sizes of the period, as well as the rules of versification based on the number and quality of syllables.

The comparative analysis is based on the poetic works of Feofan – “A Word of Praise for the Glorious Victory over the Armies of Sweden”.

The main research method is the quantitative analysis of the absolute and average length of words and sentences and the coefficient of the syntactic diversity in the poetic work of Feofan Prokopovich (with elements of the statistical method).

According to the observations, the average length of a sentence in Feofan's poetry is 15 words, which corresponds to similar indicators in the poetry of V. K. Trediakovsky and N. M. Karamzin – writers who sought to democratize bookish-literary syntax, moving away from heavy Latin-German models. Thus, Feofan's searches correspond to the future main trend in the development of poetic and general literary Russian grammar, anticipating in practice the achievements of poets of subsequent generations. The absolute and average length of the sentence is determined by genre canons, compositional division of the text and the length of the syllabic line.

Feofan's verses prefer short-syllable words (from 1 to 3 syllables), and disyllabic word forms are the most active ones. This fact allows tracing the formation of the future leading role of disyllabic syllabic-tonic meters of Russian lyrics within syllabic poetry.

Key words: Russian poetry; poets; poetic creative activity; poetic genres; poems; poetic texts; quantitative linguistics; length of sentence; number of syllables in a word; Russian baroque style; syllabic poetry

Acknowledgements: The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696>.

For citation: Patroeva, N. V. (2025). Quantitative Analysis of a Poetic Text (Based on the Poems by Feofan Prokopovich). In *Philological Class*. Vol. 30. No. 3, pp. 96–104. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-3-96-104.

Введение

Объем слов и конструкций (связного целого, предложений и интрапредложенческих структур), как средний, так и абсолютный, выступает одним из важнейших показателей, необходимых для характеристики литературных методов и направлений, жанров, отдельных произведений, индивидуально-авторского слога, хотя, конечно же, по верному замечанию А. В. Чичерина, «стилистические явления требуют весов более чувствительных, чем статистические подсчеты» [Чичерин 1985: 297]. Как отмечал В. Г. Адмони, «при изучении стиля писателя мы не вправе рассматривать размеры предложений в его произведении как величину случайную, зависящую от “вкуса” автора, но не зависящую от других элементов стиля» [Адмони 1966: 112]; см. также: [Адмони 1963; Акимова 1973; Веселовская 1987; Зиндер 1968; Лесскис 1964, 1962]. Слоговой объем слова также является ритмообразующим и версификационным фактором, прежде всего в аспекте соотношения с количеством слов и силлабем в строке и местом ударения.

Методы квантитативного анализа в рамках данной работы почти не выходят за пределы простой грамматической статистики и не включают приемы математической обработки данных, применяемые для поиска вероятностных закономерностей (о применении статистических методов в лингвистике см., например: [Фрумкина 1975]). Сошлемся на мнение В. Г. Адмони: «Различие между математической статистикой и статистикой грамматической, сводящееся к степени непосредственного включения качественных факторов в процессе количественного анализа и к степени трактовки качественных вариаций в грамматических явлениях как случайных, не безусловно и допускает ряд переходных форм» [Адмони 1963: 63]. Кроме того, в ходе исследования были широко задействованы инструменты, предлагаемые Национальным корпусом русского языка, т. е. свойственные современной прикладной лингвистике. Разумеется, применение новейших процедур корпусного анализа широко опирается на традиционные филологические методы, применяемые историками язы-

ка, грамматистами, стиховедами, специалистами в области лингвопоэтики и стилистики художественной речи (описательный, функциональный, структурный, сопоставительный, типологический и др.). Мы солидаризируемся с Б. Н. Головиным в том, что «в настоящее время бесплодны и наивны споры о том, какими методами – интуитивными (качественными) или количественными – можно обеспечить успешное развитие науки о языке: нужно не противопоставление одних методов... другим.., а продуманный и гибкий союз различных методик, меняющийся в зависимости от лингвистических задач» [Головин 1970: 17].

Материалом статьи служат стихотворные произведения Феофана Прокоповича из собрания 1961 г. (29 опытов) [Прокопович 1961: 335–455]. Из всех писавшихся обычно «на случай» поэтических творений Феофана при его жизни было опубликовано только одно – положивший начало российской героической поэме и торжественной оде, написанный в трех вариантах (латинском, русском, польском¹) и посвященный Полтавской битве «Епиникион, сиест пѣснь побѣдная о троейжде преславной побѣде», однако многие (особенно «песни») Феофановы опыты распространялись в рукописных копиях, сборниках, имевших широкое хождение.

Длина слова

Поэтические опыты Феофана Прокоповича как одного из продолжателей традиций Киево-Могилянской риторической традиции, реформатора Петровского периода, участника языковой политики в начальный период создания новой светской словесности в России не могут не вызывать интерес исследователей истории русского литературного языка, поэтики художественного текста и исторической стилистики, стиховедов. Кроме того, Ф. Прокопович – создатель двух написанных на латыни трактатов по теории красноречия и поэтическому искусству, в которых содер-

¹ О том, какую роль играла польская словесность в становлении российской риторической культуры, см., например: [Николаев 2015].

жаты важные для понимания эстетических, риторических и лингвистических установок авторов эпохи барокко и предклассицизма положения.

В трактате «De arte poetica» (1705 г.) Ф. Прокопович в размышлениях о латинском гекзаметре предлагает рекомендации по созданию благозвучия, касающиеся слогового объема слов и длины предложений в соотношении с протяженностью строки. Прекрасно звучание стиха, по Феофану, когда стопы строятся так, что «в каждом отдельном слове заканчивается и начинается следующая» [Прокопович 1961: 395]. И, действительно, в своих стихотворениях, большинство из которых относятся к тринадцатисложникам (самому популярному типу вирш), Ф. Прокопович умело чередует одно-, дву- и трехсложные слова, чтобы границы спондеических, трохаических и дактилических стоп не совпадали с границами лексем, а словоразделы в середине строки на нужном для данного типа стиха месте обозначали «пресечение» (цезуру). Например:

*Но коим прииде видом // побѣда нам сия
И погрузи во крови // главы проклятыя,
Ты рци, славо гласная! // По всей же вселенной
Разспѣй велегласие // въсти торжественной!* [Прокопович 1961: 209].

*Дал Петру стадо свое // унасти спаситель,
дабы тем делом Христов // явился любитель.
Бог и Петру Второму // вручил стада многа
и сотвори известно, // коль любит он Бога* [Прокопович 1961: 216].

Слаб и неудачен, по Феофану, оказывается стих при постановке четырехсложных слов в позиции рифмы, – и напротив, лучше всего, когда строка заканчивается двусложным или одним трехсложным словом [Прокопович 1961: 393]. Сам Феофан применяет четырехсложные окончания строк очень редко (по преимуществу в восьмисложниках – например, в элегии «Запорожец кающийся»):

Забриол в лесы непроходны...

Прогневил я самодержца...

Что бог и царь милосердый... [Прокопович 1961: 214].

Постановку односложного слова, создающего мужское окончание, должно применять, по Феофану, в особых случаях – прежде всего для создания эффекта «умаления», «ущерба» [Прокопович 1961: 393], «конца», «уничтожения» чего-либо [Там же: 398], как наблюдаем это у самого Ф. Прокоповича в канте «Прочь уступай, прочь...» и цикле шуточных стихов «Благодарение», в которых иногда встречаются мужские клаузулы, подчеркивающие идею конца мрачной ночи или самоумаление:

Прочь уступай, прочь,

Печальная ночь! [Прокопович 1961: 218].

Благодарен же и я,

верный твой друг Илья [Прокопович 1961: 222].

Между тем в некоторых иных строках канта ударные односложные слова в позиции рифмы, напротив, оказываются вполне панегирическими, воспевающими мощь и силу Бога и государыни:

Ты наш ясный свет,

Ты и красный цвет.

Да вознесет Бог

Силы твоей рог... [Прокопович 1961: 218].

«Безобразны» и монотонны, согласно Ф. Прокоповичу, стихи, в которых границы слова и стопы регулярно совпадают или же наблюдается скопление одинаковых по длине слов [Прокопович 1961: 393, 392]. Теоретический постулат из лекций 1705–1706 гг. находит замечательное своей последовательностью подтверждение в оде 1709 г. «Епиникион...», где из 174 строк только в 13 строках в последних силлабических отрезках до рифмы повторяются трижды слова тождественного слогового объема и лишь в 3-х строках находим четырехкратное повторение длин (трехсложных слов):

Бѣжѣте, скорой мести требѣ, скорой зѣло! [Прокопович 1961: 213].

Град падает желѣзный; обаче толикий... [Прокопович 1961: 214].

И, поражен силою десницы твоея... [Прокопович 1961: 215].

В поздних стихах (конца 1720-х – середины 1730-х гг.) удельный вес повторений слов одинаковой длины в общей архитектонике произведений увеличивается: так, трех-, а иногда четырех-, пяти- и шестикратные повторения как в начале, так и в конце строк очень заметны в восьмисложниках, тринадцатисложниках и практически не встречаются в гетеросиллабике Ф. Прокоповича:

Лишь бы не збытся з дороги,

Не впасть бы мнѣ в сильны руки,

Не принять бы страшной муки;

Иду же я на путь преждний,

Под кров мнѣ зѣло надежный...

Да мой в том же разум твердый,

Что бог и царь милосердый... [Прокопович 1961: 215].

Что слава Станислава богом своим славит,

Станислав бо в имени будто славу ставит.

Сама она не в одном показала дѣль,

в какой ты, Станиславе, славу ставиши силъ....

Она не прочь избегнуть; но будто с тобою

жить хотела, влекома разною маню... [Прокопович 1961: 215].

Активизация повторов длин в позднем творчестве Феофана, вполне вероятно, может быть связана со стремлением упорядочить силлабическую версификацию, сделать стих более гармоничным, даже пусть и в виде уступки монотонности при этом. Такая акцентная архитектоника демонстрирует постепенное вызревание новой системы версификации в недрах старой традиции, тяготение к ямбоподобным началам, что доказывает будущую правоту Михаила Ломоносова, утвердившего своими трудами приоритет ямба как более свойственного русской лире и мелодике русского языка. Однако хорейский рефлекс, также проявляющийся в акцентной структуре Феофановых элегий и кантов, свидетельствует и о верном выборе в отношении хорея как песенного размера, сделанном в трактатах и зрелой поэзии В. К. Тредиаковского.

Ритмизация создается не только чередованием, но и количеством слов той или иной длины, а также средним слоговым объемом лексем.

Таблица 1

Слоговой объем слова в стихотворениях Феофана Прокоповича

Тип силлабического стиха	Количество слов данного слогового объема: абс. (всего) / отн. (в отношении количества слов данной длины к количеству слов в стихотворении)					
	1 слог	2 слога	3 слога	4 слога	5 слогов	6 слогов
Тринадцатисложники	525 / 32%	623 / 38%	341 / 21%	121 / 7,4%	14 / 0,9%	11 / 0,7%
Одиннадцатисложники	185 / 34%	204 / 38%	116 / 22%	30 / 5,75%	–	1 / 0,25%
Десятисложники	28 / 35%	35 / 43%	12 / 15%	5 / 6%	–	1 / 1%
Восьмисложники	132 / 44%	94 / 31%	43 / 14%	32 / 10,4%	1 / 0,3%	1 / 0,3%
Семисложники	33 / 45%	21 / 28%	16 / 22%	4 / 5%	–	–
Гетеросложники	139 / 36%	137 / 35%	78 / 20%	31 / 8%	3 / 1%	–
Итого (по всем типам сложников)	1042 / 34,5%	1114 / 36,9%	606 / 20%	223 / 7,5%	18 / 0,6%	14 / 0,5%

Средняя длина строки в ранней торжественной оде «Епиникион...» составляет 6,3 слова, средняя длина слова – 2,1 слога. Следовательно, тринадцатисложный стих предпочитает двусложные слова. Подсчеты слогового объема составляющих ткань «победной песни» Феофана лексем в абсолютных числах показывают, что слов длиной в 1 слог – 319, в 2 слога – 420, в 3 слога – 224, четырехсложных слов уже гораздо меньше – 95. Это доказывает достаточно широкий диапазон силлабических вариаций в строке с целью преодоления монотонности звучания. Между тем далее в разнообразии длин наблюдается резкий спад: пятисложных – лишь 9, среди которых именные композиты, прилагательные, вербоиды и инфинитив (*рифмотворческий, велегласие, супостатския, непостижимый, устремившаяся, благополучный, покусивыйся, укрошчевати, Фаетоновой*). Только одна лексема равна 6 слогам: *И благополучными // веселит обиты* [Прокопович 1961: 212].

Если сопоставить эти данные с посвященной Полтавской битве речью того же 1709 г. «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе», то легко убедиться, насколько разнятся данные со стихотворным панегириком: всего 5834 слова, среди которых слов из 5 слогов уже 278, из 6 слогов – 66; есть словоформы из 7 слогов – 13 и из 8 слогов – 1¹. Средняя длина слова – 2,4 слога, что

превышает средние данные по поэтическому аналогу.

Сравнение различных типов сложников Ф. Прокоповича с точки зрения слогового объема показывает несколько интересных тенденций, которые, разумеется, требуют проверки на более широком материале (иных виршевиков и их произведений): так, односложные лексемы чаще включаются в 7- и 8-сложники; трехсложных лексем больше в нечетносложных вариантах; четные по количеству слогов строки, напротив, активнее вбирают дву- и четырехсложные слова.

Наиболее разнообразными в слоговых длинах вполне предсказуемо оказываются гетеросложные стихотворения, предоставляющие широкое поле для экспериментов с длинами слов в поэзии (см. табл. 1).

Таким образом, российская поэзия силлабической эпохи предпочитает короткие слова длинным. Короткими словами легче заполнять / дополнять строку в виршах. Должен был пройти еще более или менее длительный период выработки более гибко и разнообразно устроенного поэтического словаря, прежде чем в лирический дискурс уверенно шагнут многосложные слова, в том числе и окказиональные композиты (например, как у Г. Р. Державина в «Павлине» на закате XVIII столетия: *лазурно-сизо-бирюзовы* – или в начале XX в. у В. В. Маяковского в «Стихах о советском паспорте»: «двухметроворостая»), прежде чем стихи насытятся столь необходимыми для смысловой и структурной компрессии текста причастными и деепричастными оборотами, обильно напитаются эпитетами-прилагательными и прочими средствами усиления «признаковости» (в терминах И. И. Ковтуновой) и «повышенной предикативности», столь характерными для поэтического текста.

Длина предложения

В связи с анализом количественной стороны предложения хотелось бы вспомнить обладающие несомненным эвристическим потенциалом замечания В. Г. Адмони о том, что в XVIII в. некоторые писатели (по крайней мере, немецкие прозаики:

¹ Список слов из 5 и более слогов: 'Алексиевичу': 6, 'благополучия': 6, 'великодержавнейший': 7, 'неизглаголанная': 7, 'засведетельствует': 6, 'благополучие': 6, 'неведомую': 5, 'воспоминающе': 6, 'благополучии': 6, 'повествованием': 6, 'многочисленныя': 6, 'Китаехинскаго': 6, 'определитися': 6, 'десятолетняя': 6, 'непреодоленная': 7, 'сведетельствовавших': 6, 'сведетельствовася': 6, 'руководительством': 6, 'назnamenованную': 7, 'познаваемое': 6, 'недоумение': 6, 'неблагодарнаго': 6, 'поколебается': 6, 'отрицающаяся': 6, 'неблагодарствием': 6, 'благоденствия': 6, 'неблагодарствие': 6, 'Езекиилеве': 6, 'многоятежни': 6, 'междуусобная': 6, 'уподобилася': 6, 'благополучная': 6, 'благополучием': 6, 'благоразумные': 6, 'изобилующий': 6, 'непреодоленное': 7, 'отчаевается': 6, 'благополучное': 6, 'победительными': 6, 'оленеваяют': 6, 'препоясавшихся': 7, 'благополучия': 6, 'благодарушествова': 6, 'любомуудрствовати': 6, 'неразсуждения': 6, 'многочисленное': 6, 'военачальницы': 6, 'победительному': 6, 'благополучие': 6, 'победительнаго': 6, 'засведетельствовало': 7, 'устыдевшемуся': 6, 'великоименитший': 7, 'неудобверительную': 8, 'непреодоленнаго': 7, 'победительныя': 6, 'поношающего': 6, 'благополучии': 6, 'многочисленныя': 6, 'засведетельствоваша': 7, 'благодарушествоующи': 7, 'изображенную': 6, 'неблагодарнаго': 6, 'неблагодарнии': 6, 'неблагодарное': 6, 'изменническую': 6,

{'благословением': 6, 'непобедимою': 6, 'малодушествующих': 7, 'невоместимая': 6, 'непобедимаго': 6, 'военачальницы': 6, 'благостояние': 6, 'благословения': 6, 'кафолическая': 6, 'благополучие': 6, 'усумневаемся': 6, 'совершенному': 7.

например, Геллерт в романе «Приключения шведской графини Г.», где средний объем предложения – лишь 8,07 слов) уже проявляли стремление пользоваться весьма нераспространенными простыми высказываниями, что было «выражением особого художественно-стилистического замысла, сознательно противопоставляющего краткое и предельно ясное элементарное предложение пышному, загроможденному... предложению пи-

сателей барокко» [Адмони 1963: 61], и это свидетельствует о важности учета количественного фактора для изучения эволюции литературного языка и его коммуникативных регистров, «симптомов» качественных скачков в этом развитии, для стилометрии, определения доминант литературного метода, направления, школы, жанра, индивидуального слога и отдельного произведения (см. также работы: [Клепацкий 2008; Павлова 1971; Устинова 2008]).

Таблица 2

Средняя длина предложения в поэзии Феофана Прокоповича

Средняя длина	Число слов	Число предложений	Номер стихотворения
20,48	1065	52	1 торж. ода / 13-сл
21,50	86	4	2 элегия / 8-сл
11,81	189	16	3 песни / 8-сл
13,00	26	2	4 надпись / 13-сл
10,38	83	8	5 элегия / 10+4-сл
13,90	139	10	6 послание / 11-сл
15,75	63	4	7 надпись / 13-сл
7,56	68	9	8 песни / 5+4+8-сл
18,57	130	7	9 послание / 11
14,00	42	3	10 стих. «на случай» / 13-сл
14,00	42	3	11 стих. «на случай» / 11-сл
18,00	54	3	12 стих. «на случай» / 13-сл
22,80	114	5	13 эпиграфия / 13-сл
18,25	73	4	14 эпиграмма / 13-сл
9,75	39	4	15 эпиграмма / 13-сл
10,25	41	4	16 эпиграмма / 13-сл
11,65	268	23	17 цикл шуточных стихотворений «на случай» 13 // 13+7 // 8+7-сл
13,00	39	3	18 эпиграмма / 11-сл
25,00	25	1	19 эпиграмма / 13-сл
13,67	41	3	20 эпиграмма / 13-сл
7,67	23	3	21 молитва + эпиграмма 13+12-сл
16,94	271	16	22 переложение псалма / 11-сл
10,78	97	9	23 кант / 14+8+6+5-сл
28,33	85	3	24 кант / 10-сл

Феофан специально оговаривает условия, при которых автор может быть многословен, прибегая к амплификации: «Первое условие наличия ритмической речи в том, что она должна изобиловать словами, выбранными в соответствии с потребностью содержания, так как речь может быть размеренной только в силу изобилия слов» [Феофан Прокопович 2020: 210]. Не случайно именно тринадцатисложники были излюбленным размером силлабистов, одновременно бывших специалистами и в области гомиетики, составлявших, как и Феофан, проповеди как образцы ораторской ритмизованной прозы, периодической речи. Для пространного изложения мыслей можно, по рекомендации Феофана, использовать распространение подлежащего и сказуемого «дополнениями» («что, где, посредством чего, почему, каким образом, когда?» [Там же: 211]), одним или несколькими «определениями», а также вводить в «колонны» «перечисления», т. е. – в современных терминах – однородные ряды главных членов предложения или сразу несколько способов распространения фразы, в том числе «синонимы», «идиомы», пословицы [Там же: 203, 211–213]. При этом Феофан предостерегает риторов от «недостатка» – нескладного «гипербата» (инверсии) и слишком

длинных периодов: это «делает речь темной и утомляет уши слушателей; поэтому если по необходимости требуется многословие, то слова надо произносить, объединяя в колонны либо по отдельным звеньям», что предполагало, с точки зрения современных представлений о синтаксической организации, формирование сложного многочастного предложения с одним или разными типами связи, а также внутреннее осложнение частей обособленными оборотами, распространенными обращениями, парантезами и т. п., чередование то одинаковых, то более длинных и коротких конструкций. Кроме того, Ф. Прокопович рекомендует «украшение периода ... с помощью тропов и риторических фигур» [Там же: 228] и «разнообразить морфологический облик членов периода» [Там же: 234].

Интересно понаблюдать, как сам ритор соблюдал эти рекомендации с опорой на латинские образцы красноречия в своей поэтической практике.

В силу астрофического построения ранних вирш на границы колонов, составляющих период, влияли прежде всего длина строки, а также стремление соблюсти синтаксическое подобие в соседних стихах, поддерживающее впечатление ритмической стройности при отсутствии постоянства акцентных позиций в силлабике:

*Коли дождусь я весела ведра
и дней красных,
Коли явится милость прецедра
небес ясных?..* [Прокопович 1961: 216].

Как видно из приведенной иллюстрации, Ф. Прокопович максимально насыщает строку всеми типами распространителей, вводит лексические и грамматические повторы. Длина строки существенно увеличивается благодаря использованию обособленных оборотов, однородных рядов и риторических обращений (как это он и рекомендовал сочинителям речей), особенно подчеркивающих цезурное «пресечение»:

*О суетный человек, рабе неключимый,
Как-то ты далеко бродишь мечтанми твоими!..
Как же то представишь Богу, не видевший Бога?
И коль страшна правда его и милость коль многа!*

[Прокопович 1961: 225–226].

*Прошло же все временное, соням прилично,
Непрестанное настало, мучащее вечно.
О прегорькая година,
Еще ж бы была кончина!
Но в той болезни,
В той лютой жизни
Ни смерть, ни отмена* [Прокопович 1961: 226].

Также в соответствии с собственными и античных риториков советами Ф. Прокопович чередует более и менее многословные фразы, простые и сложные конструкции, создавая ритмическое и интонационное разнообразие:

*Нет и надежды. О многобедно
мое счастье!..
Дрожу под дубом; а крайним гладом
овцы тают
И уже весьма мокротным хладом
исчезают* [Прокопович 1961: 216].

Короткие силлабические строки обуславливают резкое сокращение объема высказывания:

*Солнце всходит,
Свет вводит,
Радость родит...
Коликий у нас
Мрак был и ужас!..
Богом венчанна
Августа Анна...
Твоя держава
Наша то слава...
Рцыте, вси люди:
О буди, буди!* [Прокопович 1961: 218].

Максимальный абсолютный объем предложения у Феофана в его поэзии – 65 слов (в оде «Епиникион...»). По структуре это трехчастная сложноподчиненная конструкция, осложненная причастным оборотом и многочисленными однородными рядами:

*В полках же православных бог непостижимый,
Хотя им дати крѣпость и щит нерушимый,
Всѣх сердца осязает и мысли подробну,
И, аще страх и трепет или неудобну
Ярость ко согласию тайнѣ ощущает,
Изъемлет, и всѣх дивнѣ духи сопрягает
Крѣпким любве союзом, и вливает тверду
Дерзость, но не безбожну и не жестосерду,*

*Дабы ни на смертную силу полка многа,
Ни на лук свой уповал воин, чтущий бога* [Прокопович 1961: 210].

Таким образом, насыщение объема высказывания достигается не столько путем гипотаксиса (введением придаточных условия и цели), сколько бессоюзным и сочинительным нанизыванием одноклассификационных компонентов, а также использованием синтагм со «свернутой» предикативностью, синонимичных частям сложного предложения, но выражающих пропозициональное содержание более компактно. Использование однородных рядов и обособлений облегчает фразу, при этом помогая придать величавую плавность и торжественность интонации и заполнить пространство 13-сложника.

Средняя длина предложения в первом опубликованном произведении Феофана – торжественной оде «Епиникион...» – составляет 3,3 строки (стиха) и 20,5 слова (см. табл. 2). В написанных Ф. Прокоповичем позднее или в неизвестные годы жанрах песен, кантов, посланий, эпитафий, эпиграмм, стихотворений «на случай» средняя длина предложений колеблется в диапазоне от 8 до 28 слов, что доказывает обусловленность размера предложения жанровыми канонами, «высотой» или же, напротив, «простотой» стиля (регистра речи) – уже вполне заметная тенденция складывающейся системы поэтических жанров. Так, торжественная ода («песнь»), эпитафия, переложение псалма, духовный гимн, кант уже заметно выделяются большей длиной фразы на фоне иных (см. № 1, 13, 22, 24), особенно песни («элегии»), напоминающей устнопоэтическое произведение – например, русскую солдатскую песню или малороссийскую «ду-му» (см. № 3, 5).

Наблюдается связь между размером предложения и типом сложника: все гетеросложные стихотворения насыщены гораздо более короткими фразами (см. в таблице 2 характеристики для № 5, 8, 17, 21, 23), чем 10- и 11-сложники, например (см. № 6, 18, 24); в 13-сложниках более широкий диапазон длин, обнаруживающий во многом предзаданность не только жанром, но и типом адресата: обращенные к историческим лицам стихотворения, наполненные важным похвальным (к Петру II или к императрице Анне Иоанновне) или хулящим (как о короле польском Станиславе Лещинском) тоном и соответствующим образом выстроенными тирадами, но адресованные соратникам по службе, прихожанам, подопечным эпиграммы гораздо более «просты» в структурном отношении (ср. № 4, 7, 9–12, 14 и № 15–17).

Выявляется и тенденция к совпадению длины предложения с композиционной частью: зачином, развитием темы, концовкой (см. № 2, 18, 20) – или с границами целого текста (см. № 19), выдающая стремление автора к композиционной логике, поддержке смысловой завершенности выражения структурной его стройностью и целостностью, иногда оказывающееся более весомым мотивом, чем «простота» жанра.

Количество вариаций длин в соотношении с

количеством использованных предложений позволяют выяснить «коэффициент разнообразия» конструктивных объемов Феофановых предложений. Так, в равносложных стихах количество вариаций в среднем оказывается ниже, чем в гетеро-

силлабах (см. табл. 3), что подтверждает тезис о тесной связи между ритмом (метром) и синтаксисом, о стремлении уложить «колоны» в границы силлабически организованных строк.

Таблица 3

Коэффициент разнообразия длин в стихотворениях Феофана Прокоповича

Тип стиха	«Епиникион» (13-сложник)	13-сложники (кроме «Епиникион»)	5+4+8- сложник	7-сложник	8+7-сложник	8-сложник	10+4- сложник	10-сложник	11-сложник	13+12- сложник	13+7- сложник	14+8+6+5- сложник
Количество предложений	52	36	9	11	4	20	8	4	40	3	5	9
Количество вариаций длин	39	15	5	7	4	13	5	3	17	2	4	7
Коэффициент разнообразия длин	1,33	2,40	1,80	1,57	1,00	1,54	1,60	1,33	2,35	1,50	1,25	1,29

Однако вопрос этот нуждается в дальнейшем изучении и расширении привлекаемого количества вирш, так как полученные с опорой на стихотворения Феофана Прокоповича данные свидетельствуют о том, что к равносложникам он прибегал чаще, количество одинаковых по числу слогов строк по этой причине больше, и это обстоятельство, в сопоставлении с небольшим, напротив, количеством гетеросиллабических стихотворений, может влиять на коэффициент различий.

Интересно сопоставить данные о средней длине предложений Феофана и его современников и преемников по российскому поэтическому цеху: Феофан – 15,3 слова; Тредиаковский – 15,6¹; Ломоносов – 16,6; Сумароков – 14,3; Державин – 20,5. Важно, что показатель средней длины предложений Ф. Прокоповича оказывается максимально близок соответствующим параметрам не у его последователей-классицистов, а у сентименталиста-новатора Н. М. Карамзина (15 слов), демократизировавшего русский синтаксис, как это обычно отмечается, и у предшественника карамзинистов, члена «Феофановой ученой дружины» В. К. Тредиаковского, также ориентировавшегося на французский синтаксис и рекомендации Вожа (см. подробнее: [Успенский 1985: 16–157]).

¹ Эти и последующие количественные данные о средней длине предложения у поэтов XVIII столетия представлены в таблице 4 [Синтаксический словарь... 2017: 56].

Источники

Прокопович, Ф. Сочинения / Ф. Прокопович ; под ред. И. П. Еремина. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1961. – 503 с.

Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг / пер. Г. А. Стратановский ; отв. ред. С. И. Николаев. – Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2020. – 488 с.

Литература

Адмони, В. Г. Качественный и количественный анализ грамматических явлений / В. Г. Адмони // Вопросы языкознания. – 1963. – № 4. – С. 57–63.

Адмони, В. Г. Размер предложения и словосочетания как явление синтаксического строя / В. Г. Адмони // Вопросы языкознания. – 1966. – № 4. – С. 111–118.

Заключение

Проведенный на материале силлабики Феофана Прокоповича квантитативный анализ в аспектах длины слова и предложения позволяет заключить, что изучение количественных показателей как эмпирическая и методологическая основа квантитативной лингвистики является перспективным и актуальным направлением поисков, имеет очевидный эвристический потенциал, наряду с такими важными составляющими идиостиля, как частотность той или иной морфологической формы, конструкции, активность лексикотематической парадигмы и т. п. доминант слога.

Фактор средней длины слова и предложения, несомненно, является релевантным и с точки зрения выявления авторства текстов. Изучение параметров конструктивного объема в будущем, думается, сможет пролить свет на дискуссии вокруг авторства целого ряда стихотворных произведений, приписываемых Феофану.

Предпринятое исследование может быть продолжено также изучением акцентной структуры силлабических строк, строфоформирования, грамматики и словарного состава рифм поэтических опытов предшественников и младших современников Феофана: школы Симеона Полоцкого, Антиоха Кантемира, Василия Тредиаковского, раннего Михаила Ломоносова.

- Акимова, Г. Н. Размер предложения как фактор стилистики грамматики (на материале русского литературного языка XVIII в.) / Г. Н. Акимова // Вопросы языкознания. – 1973. – № 2. – С. 67–79.
- Веселовская, Т. М. Размер предложения – статистический параметр стиля / Т. М. Веселовская // Вестник ЛГУ. Серия 2: История, языкознание, литературоведение. – 1987. – № 3. – С. 76–79.
- Головин, Б. Н. Язык и статистика / Б. Н. Головин. – Москва : Просвещение, 1970. – 190 с.
- Зиндер, Л. Р. К вопросу о применении статистики в языкознании / Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева // Вопросы языкознания. – 1968. – № 6. – С. 120–123.
- Клепацкий, В. В. Синтаксическая вариативность переводов последней трети XVIII в.: размер предложения / В. В. Клепацкий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2008. – № 1-1. – С. 56–65.
- Лесскис, Г. А. О зависимости между размером предложения и его структурой в разных видах текста / Г. А. Лесскис // Вопросы языкознания. – 1964. – № 3. – С. 99–123.
- Лесскис, Г. А. О размерах предложений в русской научной и художественной прозе 60-х гг. XIX в. / Г. А. Лесскис // Вопросы языкознания. – 1962. – № 2. – С. 78–95.
- Николаев, С. И. О культурном статусе польского языка в России во второй половине XVII – начале XVIII века / С. И. Николаев // Русская литература. – 2015. – № 2. – С. 132–138. – EDN TRQCJL.
- Павлова, К. Г. Проблема объема предложения (словосочетания) в лингвистической литературе / К. Г. Павлова // Иностранные языки в школе. – 1971. – № 2. – С. 12–18.
- Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века. Т. 1. Кантемир, Тредиаковский. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2017. – 576 с.
- Успенский, Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни / Б. А. Успенский. – Москва : Издательство Московского университета, 1985. – 215 с.
- Устинова, Е. С. Длина предложения как смыслообразующий компонент синтаксиса художественного текста / Е. С. Устинова // Иностранные языки в высшей школе. – 2008. – № 6. – С. 54–62. – EDN OEDJMR.
- Фрумкина, Р. М. Статистические методы и стратегия лингвистического исследования / Р. М. Фрумкина // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1975. – Т. 34, № 2. – С. 129–140.
- Чичерин, А. В. Очерки по истории русского литературного стиля / А. В. Чичерин. – Москва : Художественная литература, 1985. – 445 с.

References

- Admoni, V. G. (1963). Kachestvennyy i kolichestvennyy analiz grammaticheskikh yavleniy = Qualitative and quantitative analysis of grammatical phenomena. *Questions of linguistics*, 4, 57–63.
- Admoni, V. G. (1966). Razmer predlozheniya i slovosochetaniya kak yavlenie sintaksicheskogo stroya = The size of a sentence and phrase as a phenomenon of syntactic structure. *Questions of linguistics*, 4, 111–118.
- Akimova, G. N. (1973). Razmer predlozheniya kak faktor stilistiki grammatiki (na materiale russkogo literaturnogo yazyka XVIII v.) = The size of a sentence as a factor in the stylistics of grammar (based on the material of the Russian literary language of the 18th century). *Questions of linguistics*, 2, 67–79.
- Chicherin, A. V. (1985). Ocherki po istorii russkogo literaturnogo stilya = Essays on the history of Russian literary style. Moscow: Fiction Publishing House, 445 p.
- Frumkina, R. M. (1975). Statisticheskie metody i strategiya lingvisticheskogo issledovaniya = Statistical methods and strategy of linguistic research. *Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series*, 34(2), 129–140.
- Golovin, B. N. (1970). Yazyk i statistika = Language and statistics. Moscow: Education Publishing House, 190 p.
- Klepatsky, V. V. (2008). Sintaksicheskaya variativnost' perevodov posledney trety XVIII v.: razmer predlozheniya = Syntactic variability of translations in the last third of the 18th century: Sentence size. *Bulletin of St. Petersburg University. Series I. Philology. Oriental Studies. Journalism*, 1-1, 56–65.
- Lesskis, G. A. (1962). O razmerakh predlozheniy v russkoy nauchnoy i khudozhestvennoy proze 60-kh gg. XIX v. = On the length of sentences in Russian scientific and fiction prose of the 1860s. *Questions of linguistics*, 2, 78–95.
- Lesskis, G. A. (1964). O zavisimosti mezhdru razmerom predlozheniya i ego strukturoy v raznykh vidakh teksta = On the relationship between the length of a sentence and its structure in different types of text. *Questions of linguistics*, 3, 99–123.
- Nikolaev, S. I. (2015). O kul'turnom statuse pol'skogo yazyka v Rossii vo vtoroy polovine XVII – nachale XVIII veka = On the cultural status of the Polish language in Russia in the second half of the 17th – early 18th centuries. *Russian literature*, 2, 132–138. EDN TRQCJL.
- Pavlova, K. G. (1971). Problema ob'ema predlozheniya (slovosochetaniya) v lingvisticheskoy literature = The problem of the length of a sentence (phrase) in linguistic literature. *Foreign languages in school*, 2, 12–18.
- Sintaksicheskii slovar' russkoy poezii XVIII veka. T. 1. Kanemir, Trediakovskiy = Syntactic dictionary of Russian poetry of the 17th century. Vol. 1. Kantemir, Trediakovsky. (2017). Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 576 p.
- Uspensky, B. A. (1985). Iz istorii russkogo literaturnogo yazyka XVIII – nachala XIX veka. Yazykovaya programma Karazmina i ee istoricheskie korni = From the history of Russian literary language of the 18th – early 19th centuries. Karamzin's language program and its historical roots. Moscow: Moscow University Publishing House, 215 p.

Ustinova, E. S. (2008). Dlina predlozheniya kak smysloobrazuyushchiy komponent sintaksisa khudozhestvennogo teksta = Sentence length as a meaning-forming component of the syntax of a fiction text. *Foreign languages in higher education*, 6, 54–62. EDN OEDJMR.

Veselovskaya, T. M. (1987). Razmer predlozheniya – statisticheskiy parametr stilya = The size of a sentence is a statistical parameter of style. *LSU Bulletin. Series 2: History, Linguistics, Literary Studies*, 3, 76–79.

Zinder, L. R., Stroeva, T. V. (1968). K voprosu o primenении statistiki v yazykoznanii = On the application of statistics in linguistics. *Questions of linguistics*, 6, 120–123.

Данные об авторе

Патроева Наталья Викторовна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).

Адрес: 185910, Россия, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, 33.

E-mail: nvpatr@list.ru.

Author's information

Patroeva Natalia Viktorovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language Department, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

Дата поступления: 20.06.2025; дата публикации: 31.10.2025

Date of receipt: 20.06.2025; date of publication: 31.10.2025